ПсиБлог

ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС О ПСИХОЛОГИИ МИРОЗДАНИЯ

Сидя в зрительном зале,
или Непраздные размышления о человечестве и человеке
на просмотре спектакля «Anthropogen Modernity» и после.

Недавно побывал на спектакле «**Anthropogen. Modernity**», постановке театрального центра «Никитинский», режиссер – Борис Алексеев, как значится в анонсе, – «это некий спектакль-вопрос, спектакль-высказывание, разговор который касается каждого».

Действительно, это был разговор о непростых взаимоотношениях человечества и мира, в котором оно живет и который человечество создало и продолжает создавать.

Этот разговор действительно касается каждого. В особенности, если этот каждый примеривает на себя или уже освоился с идентичностью психолога или философа. На сцене четыре молодых человека: две девушки и два молодых человека, одеты в белые футболки, синие джинсы кроссовки, и четыре больших белых надувных шара. Вот и все декорации. Динамика действия создается исключительно высоким темпом и эмоциональностью речи актеров.

«И в процессе представленья создается впечатление», что мир, который мы, человечество, получили от природы, несовершенен и, главное, неоднозначен. «*Мир прекрасен – мир ужасен*». Но ещё большее противопоставление «прекрасный-ужасный» относится к миру, который создает человечество. Сценическое действие включает нас в нарастающее движение, движение, как сейчас говорят, к точке «фазового перехода», к точке сингулярности, когда меняются сами основания человеческого бытия, задается темп изменений, которые, кажется, человеком уже не контролируются. Что делать: остановиться или двигаться вперед? Остаться с прежним знакомым и понятным миром или отважится на неизвестность? Все это очень похоже на ситуацию, которая характерна для тренингов личностного роста, когда разрушается стабильный, хотя и дефектный, Я-образ, а новый еще не выстроен, и у человека возникает эмоциональная ломка. При этом только сам человек может решить, остаться ли ему с привычным представлением о себе и о «хорошем–

плохом» в своей жизни или рискнуть испытать новый опыт. Я вспоминаю, как первый раз встал на горные лыжи и решился на крутой спуск, мне тогда было хорошо за пятьдесят. Я скатился вниз к подножию с 2000 м до 1900 м, но далеко уже не на лыжах. Мне повезло, и я успешно завершил свой экстремальный альпийский отдых, освоив красные трассы, но, может быть, мне стоило перед этим спуском немного потренироваться?

Темп изменений и темп спектакля нарастают по ходу действия. Вместе с ним нарастает и неопределенность, и тревога за будущее человечества. Притормозить или сохранить темп движения вперед – «за горизонт, за грань»? Лучше ли «*слепое Ничто, чем золотое Вчера?*». Позиции на сцене сталкиваются, конфликтуют, но все же громче других звучит акмеистический призыв к человечеству – продолжать рискованное движение, не бояться изменений. Призыв вполне уместен в терапевтической обстановке грамотно организованных тренингов. Но убедительно ли звучит подобный призыв со сцены и снимает ли он беспокойство? Да, спектакль не дает однозначных ответов, как, собственно, и значится в анонсе. Однако сам по себе запредельный темп формирует потребность в паузе. Взять время на «подумать» о том, что если мы решаемся не снижать темп изменений, то в каком направлении все же прогрессировать? Мы видим, что для режиссера важно оставить открытым для зрителя пространство вопрошания и в особенности, когда это касается *со*-временности. Но как воспользоваться этим пространством? Какой задать вопрос? Как подумать о будущем, которое несется прямо на нас? Сможем ли мы избежать катастрофического столкновения и организовать именно встречу?

А что если взглянуть на проблему с точки зрения «антропологического поворота», который во многом и характеризует «Modernity», с точки зрения нарастающих изменений в бытии и сущности самого человека как вида? Эксперименты с собственным телом, трансплантология, генная инженерия, так называемая киборгизация? Может быть, уже где-то не за горами возможность компьютерной сборки людей, реальная перспектива появления в мире оцифрованного сознания, способного радоваться жизни. Нужен ли прогрессу цивилизации человек в нынешнем виде? Может быть, не так уж и необычно звучит восклицание Энди Уорхола: «*Как прекрасно быть машиной!*» Такие вопросы возникают у меня, и, наверное, у других, кто размышляет об «Антропогене».

Оптимизм в отношении Человека, свойственный эпохе Возрождения, сменился пессимизмом Постмодерна. Мы стремительно теряем доверие к будущему и способность его прогнозировать. Хотя постановке, на мой взгляд, все же не удалось достичь степени

драматизма гамлетовского: «Быть или не быть?», спектакль, несомненно, пробуждает экзистенциальное беспокойство, активизирует рефлексию и, в том числе, профессиональную рефлексию психолога и философа.

В Древнем Риме в школах ученикам предлагалось такое упражнение: улучшить произведение классиков литературы, и они «улучшали» тексты Овидия, Вергилия, Ювенала и других великих. И я, как прилежный дилетант, предлагаю собственный вариант завершающей сцены спектакля, вариант, который переводит разговор с языка modernity, на пессимистический язык postmodernity.

На сцену выходит актер и интонацией И. Бродского читает:

Так двигаются вперед,
за горизонт, за грань.
Так, продолжая род,
предает себя ткань.
Так, подмешавши дробь
в ноль, в лейкоциты — грязь,
предает себя кровь,
свертыванья страшась.
В этом и есть, видать,
роль материи во
времени — передать
все во власть ничего,
чтоб заселить верто-
град голубой мечты,
разменявши ничто
на собственные черты.
Так в пустыне шатру
слышится тамбурин.
Так впопыхах икру
мечут в ультрамарин.
Так марают листы
запятая, словцо.
Так говорят «лишь ты»,
заглядывая в лицо.

Но это, как мог бы возразить смелый режиссер и талантливый актер Борис Алексеев, другая история. Приятного, как говорится, просмотра «Anthropogen. Modernity» и вдумчивого чтения Иосифа Александровича.

Владимир Комаров

ПСИБЛОГ.РФ